

Жан Барро

**«Ренегат Каутский»
и его ученик Ленин**

Оглавление

Ленинизм как побочный продукт каутскианства	3
Подлинная роль большевизма	5
«Воспитатель сам должен быть воспитан!»	6
«Что делать?»	8

Каутский был, без сомнения, главным теоретиком Второго Интернационала и его наиболее мощной партии — Социал-демократической Партии Германии. Как страж ортодоксии, он считался повсеместно наиболее знающим специалистом по творчеству Маркса и Энгельса, его привилегированным истолкователем. Его позиция была типичной для целой эры в истории рабочего движения. . . Мы займемся здесь центральным вопросом пролетарского движения: соотношением между рабочим классом и революционной теорией. Ответ Каутского на этот вопрос стал теоретической основой практики и организации всех партий, составлявших Второй Интернационал. Среди них была и Российская социал-демократическая партия, в том числе ее большевистская фракция. Она оставалась ортодоксальным членом Второго Интернационала вплоть до 1914 года — то есть до краха Интернационала перед лицом Первой мировой войны.

Однако теория, сформулированная Каутским в статье «Три источника марксизма», не умерла вместе со Вторым Интернационалом. Напротив, она выжила и составила основу Третьего Интернационала в виде «ленинизма» с его сталинистскими и троцкистскими аватарами.

Ленинизм как побочный продукт каутскианства

Ленинизм — это побочный продукт каутскианства. Такой вывод может удивить только того, кто знает о Каутском только по тому, как его ругали в большевизме, особенно по памфлетам Ленина «Крах Второго Интернационала» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский», и того, кто знает о Ленине только то, что о нем вещают в различных церквях и сектах его последователей.

Но само название ленинского памфлета весьма точно характеризует его отношение к Каутскому. Если Ленин называет его «ренегатом», то совершенно ясно, что, по его мнению, Каутский был до этого носителем высшей истины, которую он, Ленин, продолжает отстаивать. Ленин весьма далек от критики каутскианства, скорее он обвиняет своего бывшего учителя в предательстве собственного учения. В любом случае, ленинская критика выглядит слишком запоздалой и абсолютно поверхностной. Запоздалой — поскольку Ленин питал самые глубокие иллюзии в отношении германской социал-демократии и одумался лишь после того, как «предательство» было совершено. Поверхностной — потому что Ленин остановился только на проблемах империализма и войны, не углубляясь в причины социал-демократического предательства в августе 1914 г. Эти причины были теснейшим образом связаны с самим существом этих партий и их отношением к капиталистическому обществу и к пролетариату. А это отношение, в свою очередь, было связано с развитием капитализма и рабочего движения; его следует понимать как определенную фазу в развитии пролетариата, а не как нечто, изменяемое по воле меньшинства, даже если речь идет о революционном руководстве.

Этим определялось значение той теории, которую Каутский сформулировал в особенно связной форме в памфлете «Три источника марксизма» и которая на протяжении всей его жизни составляла основу его мышления. Ленин воспринял эту теорию и развил ее в «Насущных задачах нашего движения» (1900 г.) и затем в «Что делать?» (1902 г.), где он много и с большой похвалой говорит о Каутском. В 1913 г. Ленин повторил его идеи в «Трех источниках и трех составных частях марксизма», причем говорил о тех же темах и иногда даже повторял Каутского слово в слово.

Высказанные там идеи представляют собой весьма скудный и поверхностный исторический анализ отношения Маркса и Энгельса к проблеме интеллигенции и рабочего движения. Его можно суммировать в немногих словах, и для выражения его сути достаточно пары цитат: *«стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии»; «о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи».* Поэтому необходимо осуществить то, что Каутский называет соединением рабочего движения и социализма. *«Современное (?) социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. . . Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция. . . Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно из нее возникшее».* Эти рассуждения Каутского Ленин сопровождает замечанием: *«глубоко справедливые и важные слова».*

Разумеется, это столь желанное «соединение» рабочего движения с социализмом не могло быть осуществлено одинаково в Германии и России: слишком различными были условия. Но важно видеть, что глубинные организационные особенности большевизма были не следствием какой-либо отличной теории, а скорее проистекали из применения тех же самых принципов в иной социальной, экономической и политической ситуации.

В действительности вместо великого «соединения» рабочего движения с социализмом социал-демократия пришла к теснейшему союзу с капиталом и буржуазией. А большевизм, почувствовав себя как рыба в воде в ходе российской революции (по причине ее поражения) пришел к полному слиянию с государственным капитализмом, управляемым тоталитарной бюрократией.

Однако ленинизм продолжает сковывать разум многих более или менее честных революционеров, которые с его помощью надеются добиться успеха. Считая себя «авангардом» и обладателями «сознания» (в то время как они владеют всего лишь ложными теориями), они продолжают судорожно бороться за слияние двух метафизических монстров — «лишенной теории» «стихийного рабочего движения» и нематериального «социалистического сознания».

Такой подход совершенно произволен. Если, по словам Ленина, *«ирония и терпение есть главные качества революционера»*, то, как заметил Троцкий, *«нетерпение есть основной источник оппортунизма».* Интеллигент — революци-

онный теоретик не должен прилагать специальные усилия для поиска связей с массами: ведь если его теория революционна, он уже связан с этими массами. Ему не требуется «выбирать лагерь пролетариата», у него, собственно говоря, вообще нет выбора. Его теоретическая и практическая критика определяется его отношением к существующему обществу. Он может освободиться от этой критической страсти только подчинившись этому обществу. И если у него «есть выбор», то он уже больше не революционер, его теоретическая способность к критике давно улетучилась. Проблема распространения им революционных идей в рабочей среде решается в зависимости от самой среды. Когда исторические условия, баланс сил между борющимися классами . . . выдвигают на повестку дня революционный взрыв пролетариата, революционные интеллигенты делают то же самое, что и рабочие. Они делают то, что они могут делать. Они исследуют, пишут, как только могут, распространяют свои слова . . . Когда Маркс работал в Британском музее, то, как продукт исторической эволюции пролетариата, он был связан если не с тем или иным конкретным рабочим, то с историческим движением пролетарского класса. Он был не в большей степени изолирован от рабочих, чем отдельный рабочий был изолирован от остальных. Эта связь ограничивалась особенностями времени, самого капитализма.

Когда пролетариат формируется как класс и тем или иным путем объявляет войну капиталу, он не нуждается в том, чтобы кто-нибудь «вносил» в него знания, пока он сам не сможет это сделать. Поскольку при капиталистических отношениях производства он служит всего лишь переменным капиталом, то ему достаточно захотеть хотя бы малейшего изменения своего положения, чтобы немедленно оказаться в самом сердце проблемы, которую ему прежде с таким трудом могли растолковывать интеллектуалы. В классовой борьбе революционер связан с пролетариатом не больше и не меньше, чем прежде. Но теоретическая критика теперь соединяется с практической критикой — не потому что она «привносится» извне, а потому что это становится одним и тем же.

Если прежде интеллигенты жаловались на пассивность пролетариата по причине «отсутствия сознательности» и именовали себя «авангардом», претендуя на руководство пролетариатом, то их ждало горькое разочарование.

Но именно в этой идее заложено существо ленинизма; об этом свидетельствует вся противоречивая история большевиков. Она выжила только потому, что российская революция погибла, то есть вследствие неблагоприятного международного соотношения сил между капиталом и пролетариатом, и этот последний не успел подвергнуть ее практической и теоретической критике.

Подлинная роль большевизма

Необходимо проанализировать, что же произошло в России и какова была подлинная роль большевизма. Было бы серьезной ошибкой видеть в россий-

ских революционных кружках плод «соединения» рабочего движения с социализмом. Революционеры, объединенные в социал-демократические группы, не внесли в пролетариат никакой «сознательности». Объяснения или теоретические статьи по марксизму были полезны для рабочих, но они не внушали сознательность или идею классовой борьбы, а просто проясняли некоторые вещи и стимулировали дальнейшие размышления. Ленин так и не понял этой реальности. Он стремился не только внушить рабочему классу сознание необходимости социализма в целом, он хотел давать ему руководящие установки, объясняя, что и когда ему следует делать. Это считалось нормальным, поскольку утверждалось, что только одна партия Ленина (как носитель классового сознания) способна понять и отстаивать общие интересы рабочего класса в целом, невзирая на его разделение на различные слои и группы, способна всегда правильно проанализировать ситуацию и сформулировать правильную установку. Однако уже революция 1905 г. показала практическую неспособность большевистской партии руководить рабочим классом; «авангардная» партия оказалась в хвосте. Все историки, даже те, кто симпатизирует большевикам, признают, что в 1905 г. большевистская партия ничего не поняла в Советах. Появление новой формы организации вызвало недовольство большевиков; Ленин заявил, что Советы — это ни рабочий парламент, ни орган самоуправления. Характерно, что российские рабочие не знали, что им предстоит сформировать Советы. Лишь небольшое меньшинство среди них знало об опыте Парижской Коммуны. Теперь же они создавали зародыш пролетарской власти, и учить их было некому. Каутскианско-ленинистский тезис по существу отрицал за рабочим классом любую способность к самостоятельному творчеству, если им не руководила партия — воплощение «соединения» рабочего движения с социализмом. В 1905 г. можно было увидеть, как подтвердилась фраза из «Тезисов о Фейербахе»: «воспитатель сам должен быть воспитан».

«Воспитатель сам должен быть воспитан»!

Ленин действовал как революционер (его позиция во время Первой мировой войны) в противовес Каутскому и только тогда, когда шел против собственной теории классового сознания. На протяжении более чем 15 лет он работал над созданием авангардной организации, которая должна была соединить «социализм» с «рабочим движением». Он стремился объединить «политических руководителей», «представителей авангарда, способных организовать и руководить движением». И вот в 1917 г., как и в 1905 г., это политическое руководство, представленное ЦК большевистской партии, оказалось позади задач момента, позади революционной активности пролетариата. Как революционные активисты, они (большевики) играли видную роль, но как «руководство классом» или «сознательный авангард» они плелись позади пролетариата. Революция произошла вопреки идеям, изложенным в «Что делать?», а в той мере,

в какой они осуществились (создание органа, руководящего рабочим классом, но отделенного от него), они проявили себя как преграда и препятствие на пути революции.

Подход Каутского и Ленина отличался от подхода Маркса. Каутскианство-ленинизм было характерно для определенного периода развития рабочего движения, оно с самого начала преобладало во Втором Интернационале. Развиваясь и организуясь по мере своих сил, пролетарии оказались в конце 19 века в противоречивой ситуации. У них были различные организации, ставившие перед собой задачу сделать революцию, но они не могли контролировать их, поскольку условия для этого еще не созрели. Каутскианство-ленинизм служило выражением и разрешением этого противоречия. Провозглашая, что пролетариат должен обрести научное сознание, чтобы стать революционным, оно оправдывало существование организаций, которые должны были руководить пролетариатом и контролировать его.

Ситуация в России была совершенно иной, чем в Германии. В Германии существовали видимость буржуазно-демократического режима и развитое рабочее движение, интегрированное в существующую систему. Совершенно иначе обстояло дело в России: всего этого еще не было, и вопрос об участии в работе буржуазного парламента и реформистских профсоюзов не стоял, поскольку таковых не существовало. В этих условиях Ленин мог занимать революционную позицию, несмотря на собственные каутскианские идеи. Но вплоть до Первой мировой войны он продолжал считать германскую социал-демократию образцом. В своих пересмотренных и исправленных историях ленинизма сталинисты и троцкисты являют нам образ зоркого Ленина, который уже до 1914 г. понял и критиковал «предательство» социал-демократии и Интернационала. Это чистейший миф. Достаточно посмотреть на подлинную историю Интернационала, чтобы убедиться: Ленин не только не критиковал все это, он так никогда и не понял сущности перерождения социал-демократии. До 1914 г. он даже расхваливал СДПГ за способность соединить «рабочее движение» и «социализм» (см. «Что делать?»). То же самое можно обнаружить в статье-некрологе «Август Бебель» (содержащей, к слову, многочисленные ошибки в деталях и по существу в том, что касается теории «лидера рабочего класса» и истории Второго Интернационала): *«Основы парламентской тактики германской (и международной) социал-демократии, не уступающей ни пяди врагам, не упускающей ни малейшей возможности добиться хоть небольшого улучшения для рабочих и в то же время принципиально-непримиримой и всегда направленной к осуществлению конечной цели, — основы этой тактики выработывались Бебелем».*

Ленин адресует эти слова похвалы «парламентской тактике германской (и международной) социал-демократии» и ее «принципиальной непримиримости» (!) в августе 1913 года! Год спустя он решил было, что номер газеты «Форвертс» (органа СДПГ), в котором сообщалось, что социал-демократические

депутаты голосовали за военные кредиты, был фальшивкой, изготовленной германским Верховным командованием. Все это демонстрирует глубину его долгих иллюзий в отношении Второго Интернационала вообще и германской социал-демократии в особенности.

Большевики оказались у власти с задачей «Россией управлять» (Ленин), выполняя дело буржуазной революции, то есть обеспечения развития экономики России. Это развитие не могло быть иным, нежели капиталистическим. Задавить рабочий класс и любую оппозицию против партии стало важнейшей задачей. Ленин немедленно вернулся к своим «ленинистским» концепциям, которые должны были позволить ему подчинить рабочий класс. Децисты, «рабочая оппозиция» и «рабочая группа» были разгромлены за отрицание «руководящей роли партии». Ленинистская теория партии была навязана «Интернационалу». После смерти Ленина Зиновьев, Сталин и другие развили ее, ужесточив еще больше «железную дисциплину» и «единство мысли и дела». Принципы, на которых покоился сталинистский Интернационал, оставались теми же самыми, на которых строились реформистские социалистические партии: партия отделена от рабочих и «вносит» в него сознание. Но те, кто отвергал ленинско-сталинскую теорию, объявлялись впавшими в «болото оппортунизма, социал-демократии и меньшевизма».

«Что делать?»

Со своей стороны, троцкисты продолжают ссылаться на ленинские идеи и цитировать «Что делать?». Кризис человечества, заявил Троцкий, — это кризис революционного руководства; такое руководство следует создать любой ценой. Это уже крайний идеализм: история мира объясняется как кризис сознания. В конечном счете, сталинизм торжествует только в тех странах, где развитие капитализма не смогло быть обеспечено буржуазией. В Восточной Европе, Китае, на Кубе возникли новые правящие группы, состоявшие из высокопоставленных функционеров бюрократизировавшегося рабочего движения, бывших буржуазных специалистов и техников, части военных кадров или бывших студентов, примкнувших к новому порядку, как это произошло в Китае. В конечном счете, такой процесс стал возможным только из-за слабости рабочего движения. В Китае, например, движущим социальным слоем революции стало крестьянство: неспособное само руководить собой, оно могло только руководиться «партией». Прежде чем захватить власть, группа, организованная в «партию» руководила массами и «освобожденными зонами». Затем она захватила в свои руки всю социальную жизнь страны. Повсюду идеи Ленина служили мощным бюрократическим фактором. Для Ленина функция руководства рабочим движением была специфической задачей «руководителей», организованных отдельно от движения. Санкционируя создание органов, отделенных от революции и профессионально управляющих массами,

ленинизм послужил идеологическим оправданием для создания руководства, отделенного от рабочих. В этом смысле ленинизм, вырванный из своего первоначального контекста, есть всего лишь средство подчинения масс, идеология, узаконивающая бюрократию и сохраняющая капитализм: его осуществление было исторически необходимым для развития новых социальных структур, которые, в свою очередь, исторически необходимы для развития капитала. Когда капитализм распространился на всю планету и установил над ней свое господство, условия для революции созрели. Дни ленинистской идеологии были сочтены.

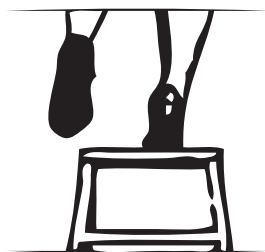
Невозможно исследовать проблему партии вне контекста исторических условий этих дебатов: в любом случае развитие ленинистской идеологии в различных формах было следствием невозможности пролетарской революции. Если история принесла успех каутскианству-ленинизму, если его противники не смогли ни должным образом организовать, ни даже развить связную критику его, то это не случайно. Успех каутскианства-ленинизма был продуктом его эры, и первые серьезные атаки против него — практические атаки — обозначили конец целого периода истории. Для этого капиталистическому способу производства понадобилось распространиться на весь мир. Венгерская революция 1956 года стала первым звонком, напоминающим о предстоящей гибели всего периода — периода контрреволюции и одновременно революционного расцвета. Никто не знает, когда этот период окончательно уйдет в прошлое. Но ясно одно: с этого времени критика идей Каутского и Ленина, продукта уходящей эпохи, стала возможной и действительно необходимой.

Условия, которые обеспечили развитие и успех организаций типа социал-демократов или большевиков, сегодня уходят в небытие. Что до ленинистской идеологии, то революционные группы, жаждущие соединения социализма с рабочим движением, уже не могут ее использовать. Она может служить либо бюрократам у власти, либо как средство временного цементирование союза проходящих мимо революционных рабочих с посредственными интеллектуалами.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Жан Барро
«Ренегат Каутский» и его ученик Ленин
1977

Данная статья была написана в качестве послесловия к брошюре Каутского «Три источника марксизма», переизданной в 1977 году французской группой «Спартак».

Перевод Э.Т.

Сохранено 3 октября 2011г. из **revsoc.org**